

Правительственный конституционализм

«Правительственный конституционализм» – это система взглядов высших представителей государственного аппарата на вопрос о подчинении государства обществу граждан. Эти взгляды нацелены на искажение идеалов конституционализма, рожденных гражданским обществом, на сохранение власти административного класса, правящей группы и правителя. В социальных системах, где все реформы идут сверху, «правительственный конституционализм» играет важнейшую роль в их истории. Он мешает прогрессу общества и, в конечном итоге, приводит его в тупик.

Ключевые слова: конституционализм, «правительственный конституционализм», искажение идеалов конституционализма.

В современном мире идет борьба за понятие «конституционализм». Разные политические течения предлагают свои идеалы конституционного. Элита административного класса, естественно, активно участвует в этой борьбе и представляет свой вариант данного понятия, наполняет его выгодным для себя содержанием. Идеология административного класса в отношении ограничения его прав (ограниченного правления) объединяется общим понятием «правительственный конституционализм». Сюда включаются идеи, транслируемые государственной пропагандой, органами государства или видными чиновниками (в особенности самим правителем), в которых содержатся мысли о самоограничении власти государства. Эти идеи могут быть выражены в виде проектов конституционных реформ, разрабатываемых и обсуждаемых в правительственных кругах [23, с. 104]. В литературе «правительственный конституционализм» может называться «государственным», «бюрократическим» или «монархическим» конституционализмом [22, с. 6–9]. Чаще всего о правительственном конституционализме говорят историки [23, с. 7–31; 27, с. 32–41]. Сегодня появилось предложение выделять судебный конституционализм [5].

Идеи «правительственного конституционализма» имеют разное происхождение. Они могут быть заимствованы в передовых странах, уже имеющих конституционный строй. Эти идеи могут быть навязаны «снизу» под давлением гражданской интеллигенции и «третьего сословия». В. М. Курицын пишет об осознании «идеологами эксплуататорского класса невозможности сохранения господства своего класса в прежнем виде», «кризисе верхов», характерном для революционной ситуации [23, с. 104]. А. В. Гоголевский пишет, что высшая бюрократия в начале XX в. «в целом осталась на охранительных позициях, так как ее движение в сторону конституционализма обуславливалось не принципами, а страхом перед революцией» [7, с. 13].

Естественно, «правительственный конституционализм» служит цели удержания власти административным классом (правящей группой). Чтобы не потерять целое, надо делиться частью власти или делать вид, что делишься. В свое время М. Т. Лорис-Меликов не скрывал, что его проект так называемых конституционных преобразований «есть именно то средство, какое полезно и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой...» [10, с. 333]. В. М. Курицын отмечал, что возобновление деятельности Финляндского сейма в 1863 г. произошло, «чтобы

* **Сергей Алексеевич Денисов**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры прав человека юридического факультета, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sa-denisov@yandex.ru

смягчить недовольство в Финляндии» [23, с. 106]. «Правительственный конституционализм» руководствуется лозунгом: «Если нужно завести какое-то движение в тупик, то нужно его возглавить».

«Правительственный конституционализм» часто имеет характер обещаний, которые дает правитель своему населению. Отмечается, что Александр I на первом заседании сейма Царства Польского в 1818 г. обещал ввести «законно-свободные учреждения» не только в Польше, но и во «вверенном ему отечестве» [27, с. 34]. Продуктом правительственного конституционализма является Манифест Николая II от 17 октября 1905 г.

Не каждый чиновник является носителем идей «правительственного конституционализма». При появлении общества граждан часть чиновников переходит на его сторону и становится носителями идей реального (подлинного) конституционализма.

«Правительственный конституционализм» играет решающую роль в истории обществ, которые еще не способны подчинить государство своей воле. В административных обществах государство создает господствующую идеологию и навязывает ее большинству. Оно осуществляет все реформы «сверху». В таких обществах конституционный акт октроируется правителем. Законы (в том числе конституции) здесь принимаются ассамблеей, зависимой от правителя. Толкование конституции осуществляет конституционный суд, направляемый правителем. Высшая бюрократия берется выработать конституционное мировоззрение общества. Н. С. Бондарь утверждает, что сегодня судьи Конституционного Суда РФ формулируют содержание понятия «конституционализм» [4, с. 18]. Наука конституционного права в административном обществе является служанкой правящей группы. Она молчит или послушно соглашается с тем, что говорят чиновники. В современной России уже появляются ростки гражданского общества и находятся исследователи с гражданской позицией, которые высказывают идеи, не совпадающие с теми, что формируют представители государства, в том числе в Конституционном Суде.

«Правительственный конституционализм» как идеология порождает мнимый конституционализм как вид общественного строя. А. Н. Медушевский пишет: «Мнимый конституционализм становится возможным в тех странах, где демократические силы не имеют реальной социальной опоры, расплывлены и вынуждены в силу этого апеллировать к государству; власть отделена от общества, а монарх становится в полной мере заложником бюрократии, не находя ей противовеса в народном представительстве» [26, с. 74].

Далее предлагается обратить внимание на наиболее типичные идеи, составляющие содержание «правительственного конституционализма».

Вполне устраивает «правительственный конституционализм» идея ограничения государственной власти с помощью писаного акта, называемого конституцией. Правитель сам октроирует конституционный акт и гарантирует в нем свои широкие полномочия. «Правительственный конституционализм» часто идеализирует действующий конституционный акт, октроированный правителем. Так, Н. С. Бондарь заявляет: «Конституция интегрирует в себе и возводит на высший нормативно-правовой уровень основные результаты развития политико-правовой культуры общества в их ценностном проявлении, определяет механизмы их нормативного закрепления и тем самым обеспечивает высшую нормативную основу в том числе и для мировоззренческого конституционализма» [5, с. 72]. Не устраивающие административный класс и правящую группу идеи, заложенные в конституционном акте, легко подправить с помощью его толкования, если конституционный суд находится под контролем правящей группы (правителя). Подобная деятельность Конституционного Суда РФ заслужила одобрение Президента РФ [31].

Правитель может утверждать, что действует в рамках конституции [6]. Кто осмелится это оспорить?

Правящая группа не против действия принципа законности, но при условии, что законы будет писать она сама и сама будет определять меру ограничения своего произвола. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин потребовал не противопоставлять право и закон [29]. Чиновники требуют руководствоваться законом вне зависимости от того, конституционен он или нет [35, с. 4, 6]. Конституционный суд, подконтрольный правящей группе, выдает неконституционные законы за конституционные. Например, Конституционный Суд РФ признал не нарушающим конституцию закон, запрещающий выбирать глав регионов в России [30]. Фактически этот закон еще больше укрепил самодержавие в России и имперские отношения между центром и провинциями.

Представители «правительственного конституционализма» не могут не заниматься апологетикой деятельности государственных органов, которые они представляют. Им чужд критический подход, присущий научному мировоззрению. Например, В. Д. Зорькин утверждает, что возглавляемый им Конституционный Суд РФ «проверяет нормативные акты и разрешает дела с учетом необходимости поддержания соразмерности конституционно защищаемых ценностей» [15, с. 7]. Он не допускает и мысли о том, что Конституционный Суд России может в своих решениях реализовать интересы правящей группы на сохранение своей власти. Н. С. Бондарь утверждает, что в решениях Конституционного Суда РФ «содержится единственно правильный ответ: как необходимо понимать, толковать и применять нормы законодательства, с тем чтобы они не вступали в противоречия с Конституцией» [5, с. 78]. Член Совета Федерации А. А. Клишас утверждал в 2016 г., что все государственные органы неукоснительно соблюдают Конституцию РФ [19]. Депутат ГД Ю. Х. Калмыков отмечал, что Конституционный Суд РФ исходит в своих решениях из принципа «непогрешимости первого лица» [20, с. 106, 139, 152, 153].

Представители «правительственного конституционализма» как огня боятся общества, его активности. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин проповедует смирение перед посягательствами государства на конституционные права человека. Он осудил людей, использующих свое конституционное право собираться мирно, за то, что они выступили в защиту честных выборов [14, с. 1]. Чиновники пугают себя и других опасностью наступления хаоса [13, с. 9], «национальной катастрофой» [14, с. 3]. Они требуют, чтобы все политические вопросы решались в рамках бюрократических процедур, а лучше за закрытыми дверями. А. В. Гоголевский пишет: «С публикацией Манифеста 17 октября тактика правительственного конституционализма заключалась в том, чтобы добиться умиротворения России путем консультаций с либеральной общественностью и энергичным декларированием программы реформ» [7, с. 14]. По мнению Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, не гражданское общество, а государство должно «обеспечивать формирование правосознания профессионалов и всего народа» [16, с. 12]. В. Д. Зорькин, как чиновник, боится, что люди перестанут доверять правительству [16, с. 12] и начнут мыслить и действовать самостоятельно. В июне 2006 г. он публично высказался против восстановления института выборов глав регионов, назвав развернувшуюся по этому поводу дискуссию глупой и бессмысленной. Лишение населения права избирать губернаторов он назвал конституционным [34, с. 2]. В борьбе с демократией бюрократия отождествляет ее с охлократией. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отождествляет с демократией пивные путчи Гитлера [32, с. 3].

«Правительственный конституционализм» всегда чужд теории полного подчинения государства обществу граждан. В крайнем случае, эта идеология призна-

ет право участия общества в делах государства. Часто «правительственный конституционализм» сводится к определенной мере и формам уступок обществу [23, с. 105]. «Правительственный конституционализм в России начала XX в., – пишет А. В. Гоголевский, – загонялся в прокрустово ложе полумер, полууступок общественному мнению» [7, с. 14].

Часто «правительственный конституционализм» занимается имитацией наличия в стране конституционного строя, имитацией признания государством таких конституционных требований, как суверенитет народа, демократия, республика, децентрализация. Советская идеология выдавала за демократию тоталитарный политический режим и политику патернализма. Сегодня представители «правительственного конституционализма» продолжают эту линию. Судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь в своих статьях утверждает, что российское общество уже является демократическим [3, с. 48–49]. Степень демократичности в России «близка к оптимальной», – писал В. Д. Зорькин в 2011 г. [15, с. 495]. Под предлогом защиты конституции чиновники защищают политику, проводимую правящей группой [35, с. 3, 11]. Представители «правительственного конституционализма» монархию выдают за республику, полицейское государство за правовое. Единоличного правителя страны они называют президентом, а подконтрольную этому правителю ассамблею – парламентом. Судебные расправы они называют правосудием.

Представители «правительственного конституционализма», придерживаясь этатистской идеологии, стараются защитить государство от человека. Идеология этатизма проявляется в решениях Конституционного Суда РФ [18, с. 35]. Государство, по мнению чиновников, всегда лучше знает, что человеку нужно. Свободу государственные чиновники отождествляют с анархией [35, с. 4]. Они допускают только управляемую демократию [35, с. 5]. «Любое умаление государственности недопустимо, так как ведет к хаосу», – утверждает Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин [16, с. 12]. Член Конституционного Совета Казахстана В. М. Малиновский объявляет авторитарный режим в Казахстане демократией и заявляет, что угроза ей исходит от граждан, общественных объединений, средств массовой информации и солидных международных организаций, которые критикуют самодержавие и авторитаризм в Казахстане и тем самым злоупотребляют своими политическими правами [25, с. 85–86].

«Правительственный конституционализм» готов пойти на декларацию личных прав и свобод человека [27, с. 38]. Теория «правительственного конституционализма» ставит во главу угла социальные права человека, которые сводятся к праву на получение кормления от его всемогущего государства. Это право «раба» на получение от своего хозяина пищи, жилища, медицинского обслуживания, набора утех. Сегодня в России эти права так же выдвигаются на первое место Уполномоченным по правам человека РФ [11].

Любое современное государство сегодня сталкивается с проблемой конкуренции между защитой безопасности человека, общества и государства и защитой прав человека. Административные государства, прикрываясь необходимостью защиты национальной безопасности, посягают на права человека и гражданина. «Правительственный конституционализм» обеспечивает идеологическое оправдание этих посягательств.

Очевидно, что конституционализм побеждает в странах, перешедших к капитализму. Поэтому представители «правительственного конституционализма» боятся буржуазных реформ. Они поддерживают сохранение экономической власти в руках бюрократии, посредством государственно-бюрократической собственности на средства производства и редиистрибуции. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин не скрывает, что он выступает за дирижизм в экономике,

свято верит в бюрократию, которая должна спасти мир от ужасов свободного рынка [17, с. 18]. Он предлагает перенести методы государственного регулирования экономики из демократических стран в недемократическую Россию [15, с. 467–498], укрепив тем самым экономическое господство бюрократии. Как всегда, борьба с буржуазными реформами подается в форме заботы о бедных слоях населения [15, с. 482].

Одной из функций «правительственного конституционализма» является критика конституционных стран и доказывание того, что они не могут быть примером для неконституционного мира. Эта задача ставилась перед советскими государствоведами КПСС. Они должны были доказывать, что капитализм находится в глубоком кризисе и вот-вот рухнет. Эту идеологическую линию продолжает проводить Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин. «Глобальный финансово-экономический кризис по существу означает также кризис современного правового государства, прежде всего в том его виде, как оно сложилось на Западе», – пишет он [15, с. 467–498]. А. И. Бастрыкин пытается доказать нам, что Европа – это не демократия и высокий уровень жизни, а однополые браки и наркотики [21]. Коммунисты были еще беспардоннее. Они объявляли тоталитаризм высшим развитием конституционализма. Советская пропаганда в СССР противопоставляла «фальшивой» буржуазной демократии «социалистическую демократию».

Для представителей «правительственного конституционализма» конституционные идеалы не являются ценностью. Как доказывает А. А. Клишас, выше всего стоит политическая целесообразность [24], под которой понимается удержание власти административным классом, правящей группой.

Административный класс не желает признавать универсальных ценностей конституционализма. Он пытается выдать выгодную ему идеологию за свой вариант конституционализма. Конституционализм, по мнению судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря, позволяет «обеспечивать достаточную свободу обществу и государству самостоятельно определять для себя конституционные формы существования и развития» [5, с. 71]. Другими словами, конституционализм «что дышло. Куда повернешь, туда и вышло». Представители «правительственного конституционализма» считают себя знатоками национальных интересов и берутся изменять содержание идеологии конституционализма по мере изменения в этих интересах [4, с. 18]. А. И. Бастрыкин вообще отрицает конституционные ценности и считает, что конституция должна служить интересам государства [21], которые, понятно, формулируются правящей группой (правителем).

Правящий класс в СССР не отказывался от идей демократии, республики, федерализма. Он просто изменял содержание этих терминов. Империи стал называть федерацией, власть олигархии – республикой, тоталитаризм – формой новой, социалистической демократии.

Успешным приемом борьбы с универсальными конституционными ценностями стала теория конституционной идентичности. Представители «правительственного конституционализма» не отказываются от идеи конституционализма. Продолжая политику большевиков, они заявляют, что на почве российской самобытности изобрели свой конституционализм [12]. Теория конституционной идентичности позволяет игнорировать решения Европейского суда по правам человека, выдавать антиконституционный строй страны за самобытный конституционализм. Теория конституционной идентичности имеет всеобщее распространение. В России мы имеем дело с типичным злоупотреблением ее положениями в интересах административного класса и правящей группы.

«Правительственный конституционализм», как правило, старается спасти власть правителя. Витте, по словам А. В. Гоголевского, хотя и стремился расши-

речь гражданские свободы, но оставался верен самодержавию [7, с. 13]. Н. В. Минаева пишет, что проект конституции для России, разрабатываемый в канцелярии Новосильцева, должен был, с одной стороны, иметь черты конституционных ограничений власти государства, а с другой стороны, «не умалять значения абсолютной власти императора. Эти противоречия делали, по существу, неразрешимой поставленную задачу» [27, с. 34]. Однако, эту задачу легко разрешили представители власти и судьи Конституционного Суда современной России. Российская Конституция 1993 г., с одной стороны, считается одной из передовых, а с другой стороны, в толковании судей и правительственных чиновников, не мешает всевластию Правителя и сохранению ряда патримониальных черт правления. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин сравнивает В. В. Путина с Ф. Рузвельтом и Ш. де Голлем и говорит, что он выполнил свою историческую роль и спас Родину [16, с. 12]. Представители «правительственного конституционализма» поддерживают октроирование конституционного акта правителем и внесение в него поправок при решающем его участии. В. Д. Зорькин поддержал меры, направленные на сохранение власти Правителя до 2024 г. [28, с. 3]. Сегодня судьи Конституционного Суда РФ хотя и говорят о республике, но своими решениями способствуют укреплению монархии в стране [9, с. 2–4].

На содержание представлений чиновников о роли главы государства оказывает влияние мнение самого правителя, его готовность делиться властью. А. В. Гоголевский пишет: «...самодержавные убеждения Николая II сильно сказывались на правительственном конституционализме, блокируя его естественную эволюцию в сторону парламентской монархии» [7, с. 23].

Представители «правительственного конституционализма» могут требовать ограничения власти правителя в интересах расширения власти профессиональной бюрократии, которая действует через кабинет министров (правительство) и его главу. Предложение о создании кабинета министров делалось министром внутренних дел П. А. Валуевым в 1861 г., но было отвергнуто царем [23 с. 107]. На создании объединенного правительства под своим руководством настаивал С. Ю. Витте [7, с. 11]. Интересно, что даже эти скромные требования все еще не удовлетворены в современной России. Правительство здесь по-прежнему не обладает самостоятельностью, продекларированной в ст. 10 Конституции РФ, полностью зависит от главы государства. Министры силовых ведомств непосредственно подчинены главе государства, а не Председателю Правительства. Д. А. Медведев как-то признал, что введение парламентской формы правления для них смерти подобно [33, с. 3].

Очень часто «правительственный конституционализм» нацелен на привлечение к делу государственного управления групп лиц, близких к бюрократии, к правящей группе. Так, министр внутренних дел царского правительства П. А. Валуев выступал в поддержку реформ государства с тем, чтобы «расширить социальную базу царизма путем привлечения к участию в политической жизни консервативного элемента, и прежде всего дворянства» [23, с. 105]. Авторитарное государство обычно создает слой клиентелы бюрократии в лице клиентистской буржуазии и служилой интеллигенции. Эта клиентела заполняет депутатские кресла в представительных органах, создавая видимость наличия республики в стране.

Идеология «правительственного конституционализма» при коммунистах предполагала привлечение к государственному управлению масс населения, созданием которых административный класс легко манипулировал. Сегодня представители «правительственного конституционализма» продолжают опираться на консервативные слои населения, на традиционный для страны вождизм, патернализм и великодержавие. Отечественные нравственные национально-культурные представления о власти, собственности, свободе и их «мировоззренческие оценки

являются своего рода гносеологической нравственно-этической составляющей российского конституционализма», – пишет судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь [4, с. 12].

«Правительственный конституционализм» может быть нацелен на выхолащивание народного представительства. «Двор и правительство в начале XX в., – пишет А. В. Гоголевский, – сводили конституционализм к допущению законосовещательного представительства» [7, с. 10]. Сегодня правящая группа осуществила эту идею. Федеральное Собрание РФ полностью подчинено Правителю и осуществляет, в основном, законосовещательные и законорегистрационные функции. Александр I был не против того, чтобы законы принимали представители народа, но он оставлял за собой абсолютное вето [27, с. 39]. Эта конструкция прекрасно реализована в современной России.

В соответствии с Уставной грамотой, разработанной Новосильцевым в начале XIX в., избиратели только предлагали трех кандидатов в депутаты представительного органа, из которых правительство избирало депутата [27, с. 39]. Сегодня с помощью избирательного законодательства и управляемых выборов чиновники заранее решают, кто будет депутатом Государственной Думы.

«Правительственный конституционализм» стоит на страже государственного суверенитета, защищая его как от населения, так и от вмешательства со стороны демократических стран мира. Это ярко проявляется в статье Б. С. Эбзеева и В. Е. Чурова, которые берутся защищать суверенитет России от человека с его политическими правами [35, с. 3, 8]. Судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь называет давление на неконституционные страны со стороны конституционных стран «политической, идеологической, правовой экспансией экономически, военно-политически господствующих стран и блоков», «игнорированием мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей» [5]. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин прямо призвал не допускать смягчения авторитарного режима в России и осудил поддержку демократических свобод в России со стороны руководства США [14, с. 1]. Одним из способов защиты авторитарного государства является идея «суверенной демократии», разработанная чиновником Администрации Президента В. Сурковым. А. И. Баstryкин требует усилить изоляцию России от мира и отменить действие ст. 15 Конституции РФ, предусматривающей подчинение российского законодательства нормам международного права. Образцом для подражания ему служит КНДР [21].

«Царизм, – отмечал К. Маркс, – оставаясь абсолютной монархией, в то же время в Греции и на Ионических островах разыгрывал... роль героя либерализма во всей Европе и проводил конституционную политику» [27, с. 33]. Сегодня государственные чиновники выступают ярыми защитниками прав человека в Украине и в странах Запада. В Китае ежегодно издается обзор нарушений прав человека в США [8].

Содержание «правительственного конституционализма» изменяется вместе с усилением давления общества граждан на государственный аппарат. Если в начале движения общества к конституционным идеалам «правительственный конституционализм» открыто занимал позиции охранительства [7, с. 10] и защиты самодержавия, то на современном этапе он отваживается только на оправдание ограничений прав и свобод человека, на попытку отстоять расширение полномочий правителя. Но на каждом этапе представители «правительственного конституционализма» остаются на консервативных позициях. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин откровенно заявляет, что он жалеет о том, что в России прошла Перестройка и реформы [13, с. 9, 17, 18].

«Правительственный конституционализм» не может открыто опираться на интересы административного класса. Он ищет предлоги для того, чтобы урезать права и свободы человека, республику и демократию. Типичным поводом для отказа от подчинения государства обществу является ссылка на то, что это не соответствует традициям общества. П. И. Столыпин, как представитель «правительственного конституционализма», считал, что характеру русской государственности чужды западноевропейские институты [7, с. 26]. «В кругу членов Государственного совета, – пишет А. В. Гоголевский, – сформировалось оригинальное толкование конституционализма, заключавшееся в том, что для России непригодны западноевропейские парламентские институты и прерогативы короны должны быть максимально сохранены...» [7, с. 13–14]. Сегодня представители «правительственного конституционализма» доказывают, что они борются с идеями республики и демократии не ради спасения правящей группы, а в соответствии с «социокультурными особенностями национального развития». «Конституционный Суд РФ в своей практике исходит из необходимости учета социокультурных особенностей национального развития, что является одним из принципов интерпретации конституционных положений, с одной стороны, и критерием для оценки конституционности проверяемых нормативных актов – с другой», – пишет судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь [4, с. 17]. Иногда государственные чиновники заявляют о невозможности создания универсальной теории конституционализма. Так, судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь пишет: «Конституционализм не может рассматриваться и, надо признать, существовать, развиваться вне связи с конкретной государственно-правовой культурой и суверенной государственностью» [5, с. 65]. Правда, в другой своей работе он признает наличие универсальной концепции конституционализма [4, с. 17]. В борьбе с конституционными ценностями бюрократия выступает как защитник нравственных ценностей [21].

Традиционным для «правительственного конституционализма» является замещение ценности прав и свобод человека, суверенитета народа идеями великодержавия. Иллюстрацией этого являются ставшие широко известными слова П. А. Столыпина о том, что нам не нужны великие потрясения, ведущие к освобождению России от исторического прошлого. «Нам нужна великая Россия» [7, с. 30]. О великой России как о высшем благе мечтает Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин [15, с. 504].

Иногда представители «правительственного конституционализма» пытаются оправдать неконституционные институты тем, что такие же институты существуют в развитых странах. Р. Алиев, некоторое время претендовавший на пост правителя Казахстана, открыто предложил Казахстану вернуться к монархии, ссылаясь при этом на опыт Великобритании. Это «надежно, удобно, демократично <...>. В то время как республика приводит к коррупции и диктатуре», – говорил он [1, с. 1]. Представители «правительственного конституционализма» предлагают наделить недемократическое государство полномочиями, имеющимися у демократических государств (расширить государственное регулирование экономики, право осуществления редистрибуции) и тем самым сохранить всевластие бюрократии. Член Совета Федерации А. А. Клишас заявляет, что законодательство России намного либеральнее законодательства развитых стран [2]. Разница лишь в том, что на Западе его применяет демократическое государство в интересах людей, а у нас полицейское, в интересах административного класса. Эффект от нашего «либерального» законодательства получается совершенно антидемократический.

Итак, административный класс под напором либеральной идеологии вынужден имитировать признание конституционализма. Он создает ложноконституционную идеологию, получившую название «правительственного конституциона-

лизма». Ее целью является попытка воспрепятствовать подчинению государства (как корпорации чиновников) обществу граждан.

Литература

1. Алиев Р. Республикостан или Казахский султанат. Какой выбор мы сделаем? // Каван. – 2006. – 25 августа.
2. Андрей Клишас: «Поправки в Конституцию вносятся в крайних случаях» // РАПСИ. – 25.07.2013. – URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20130725/268318575.html (дата обращения: 24.11.2018).
3. Бондарь Н. Конституция – ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 2 (63).
4. Бондарь Н. С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму // Журнал российского права. – 2015. – № 11.
5. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М. : Норма : Инфра-М, 2011.
6. Герейханова А. Законный праздник // Российская газета. – 2018. – 13 декабря.
7. Гоголевский А. В. Русский конституционализм на путях парламентской монархии // Русский конституционализм от самодержавия к конституционно-парламентской монархии : сб. документов. – М. : Гардарики, 2001.
8. Госсовет Китая выпустил доклад о нарушениях прав человека в США // РИА Новости. – 24.04.2018. – URL: <https://ria.ru/20180424/1519311923.html> (дата обращения: 30.01.2019).
9. Денисов С. А. Защита Конституционным Судом РФ принципов демократии и республики // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 12.
10. Добрынин Н. М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства : учебник : в 2 т. – Т. 1. – Новосибирск : Наука, 2015.
11. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета. – 2018. – 17 апреля.
12. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. – 2018. – 9 октября.
13. Зорькин В. Д. В хаосе нет морали // Российская газета. – 2012. – 11 декабря.
14. Зорькин В. Д. Дух закона // Российская газета. – 2011. – 12 декабря.
15. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011.
16. Зорькин В. Д. Кризис доверия и государство // Российская газета. – 2009. – 10 апреля.
17. Зорькин В. Д. Правовое регулирование экономики: глобальные тенденции и российский опыт // Российская газета. – 2012. – 1 июня.
18. Исаева Н. В. Реализация конституционных прав человека и гражданина в России в дискурсе правовой идентичности (обсуждая некоторые судебные решения) // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 4.
19. Клишас А. А. Реально действующий документ // Известия. – 2016. – 12 декабря.
20. Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. – М., 1996.
21. Козлова Н. Исправленному – верить // Российская газета. – 2015. – 27 апреля.
22. Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века : учеб. пособие. – М. : ИВЦ «Маркетинг»; Новосибирск : ООО «Изд-во ЮКЭА», 2000.
23. Курицын В. М. Правительственный конституционализм в России в 60–80 гг. XIX в. // Советское государство и право. – 1986. – № 2.
24. Лекция А. А. Клишаса о Конституции и парламентаризме (Государственная Дума, 22 апреля 2013 г.). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mgrUvfGm9pk> (дата обращения: 24.11.2018).
25. Малиновский В. А. Конституционные ценности: к желаемому через возможное в практике утверждения конституционализма в Республике Казахстан // Конституционные ценности: содержание проблемы реализации : материалы Международной научно-

практической конференции (4–6 декабря 2008 г.) : в 2 т. Т. 1. – М. : Российская академия правосудия, 2010.

26. Медушевский А. Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 6.

27. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм в России после Отечественной войны 1812 г. // *Вопросы истории*. – 1981. – № 7.

28. Надуманные противоречия // *Российская газета*. – 2008. – 28 ноября.

29. Ориентировка на вышестоящие инстанции уничтожает правосудие // *Коммерсантъ*. – 2009. – 2 февраля.

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П // *СЗ РФ*. – 2006. – № 3. – Ст. 336.

31. Путин: Конституция России должна быть «живой» // *ТАСС*. – 08.12.2014. – URL: <https://tass.ru/politika/1631567> (дата обращения: 25.01.2019).

32. Пушкарская А. В Конституционном Суде обсудили «правовые скрепы» // *Коммерсантъ*. – 2013. – 22 октября.

33. Фаризова С. Президент пригрозил губернаторам частными лицами // *Коммерсантъ*. – 2008. – 19 ноября.

34. Чернега Ю. Валерий Зорькин против возвращения к губернаторским выборам // *Коммерсантъ*. – 2008. – 21 июня.

35. Чуров В. Е., Эбзеев Б. С. Решение ЕСПЧ по делу «Республиканская партия России против России», или Утраченные иллюзии // *Конституционное и муниципальное право*. – 2011. – № 12.

Sergey Alekseevich Denisov,

Candidate of Law, Associate Professor at Human Rights Chair,
Legal Department, Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Government Constitutionalism

«Government constitutionalism» is a system of views of the highest representatives of the state apparatus on the issue of subordination of the state to the society of citizens. These views are aimed at distorting the ideals of constitutionalism born of civil society, at preserving the power of the administrative class, the ruling group and the ruler. In social systems, where all reforms come from above, «government constitutionalism» plays a crucial role in their history. It hinders the progress of society and aims to lead it to some impasse.

Key words: constitutionalism; "government constitutionalism"; distortion of ideals of constitutionalism.